

вобытного общества складывалась главным образом на этнографических материалах, второй путь представляется сейчас более перспективным. Это, однако, ни в коей мере не означает умаления достоинств третьего издания существующего учебника.

Повторяю, что книга эта заслуживает весьма высокой оценки. В ограниченном объеме третьего ее издания авторы сумели изложить огромный и безупречный фактический материал. При переиздании книга была пополнена сведениями, отражающими успехи трех научных дисциплин — антропологии, археологии и этнографии — за последнее десятилетие. Большую ценность представляет не просто строгий учет достижений науки, но и то, что в глазах читателя еще раз подтверждается именно комплексный характер, междисциплинарность содержания книги. Выпуск третьего издания учебника «История первобытного общества» — явление отрадное как с позиций развития исторического образования в стране, так и с точки зрения определенного обобщения итогов активной работы десятков советских и зарубежных исследователей.

Л. Е. Куббель

Собрания Музея антропологии и этнографии АН СССР (К 100-летию образования первого академического этнографического центра). Отв. ред. Решетов А. М.—Сб. МАЭ, т. 35. Л., 1980.

Рецензируемый, очередной выпуск «Сборника Музея антропологии и этнографии АН СССР» приурочен к знаменательной дате в истории отечественной этнографии. В ноябре 1979 г. исполнилось 100 лет со времени принятия решения об организации в системе Санкт-Петербургской академии наук на базе ранее существовавших этнографического и анатомического музеев, возникших в результате расформирования первого русского общедоступного музея — Петровской кунсткамеры¹, единого этнографо-антропологического учреждения — Музея антропологии и этнографии (с 1903 г. — им. Петра Великого). С 1933 г. МАЭ стал частью созданного Института этнографии АН СССР.

За 100 лет, прошедших со времени основания МАЭ, его коллекции неизмеримо выросли. Ныне они насчитывают несколько сот тысяч этнографических, антропологических и археологических экспонатов со всего земного шара; многие из них уникальны.

Наиболее крупными коллекционными фондами МАЭ в настоящее время обладают Азиатский (прежде всего Китайский), Среднеазиатский, Сибирский, Американский, Океанийский отделы. Надо сказать, что многие коллекции этих фондов поступили в Музей еще в конце XVIII — первой половине XIX в., т. е. в период функционирования Кунсткамеры и Этнографического музея. Другие фонды (Африканский, Австралийский Восточнославянский) начали формироваться только в конце XIX в.

Сотрудники МАЭ проводят и проводят интенсивную работу по научному описанию коллекций. Свидетельством этому служит выход в свет нескольких десятков сборников МАЭ, посвященных главным образом музейным собраниям, публикация на основе фондов МАЭ многочисленных монографий и сборников.

Постоянно расширяются и углубляются связи МАЭ как центрального этнографического музея Академии наук с различными музеями и научными учреждениями как внутри страны, так и за ее пределами.

Юбилейный сборник открывается небольшой по объему вступительной статьей А. М. Решетова и Т. В. Станюкович «К 100-летию создания этнографического и антропологического центра Академии наук». Поскольку история МАЭ уже достаточно подробно описана в литературе, в статье охарактеризованы только наиболее важные ее этапы.

Остальные статьи (их 30), за исключением последней, сгруппированы таким образом, что вслед за обзорной статьей по истории того или иного подразделения музея следует одна или несколько статей, посвященных наиболее интересным коллекциям или группе коллекций этого музейного отдела, хотя, к сожалению, такой принцип не всегда выдерживается, например при описании среднеазиатского (фонда) МАЭ и антропологического отдела (фонда).

Т. В. Станюкович в статье «К истории комплектования Восточнославянского фонда МАЭ» прослеживает основные этапы формирования музейных собраний по русским, украинцам, белорусам. В статье А. А. Лебедевой «Коллекции МАЭ по украинцам Закарпатья» описывается собрание, привезенное М. Д. Торэн и Л. А. Динцесом в 1946 г. из Хустского и Раховского районов.

Кавказским коллекциям посвящены три статьи: Л. И. Лаврова «Кавказский отдел МАЭ и Кавказский сектор Института этнографии АН СССР», Т. Д. Равдоникас «Кавказские коллекции МАЭ» — об этнографических сборах чешского ученого Ф. И. Колленати в 1842—1843 гг. и Л. И. Смирновой о двух коллекциях Е. М. Шиллинга (сборы 1945—1946 гг.), насчитывающих более 60 предметов, отражающих быт аварцев².

¹ Подробно об истории этих музеев см.: Станюкович Т. В. Кунсткамера Петербургской академии наук. М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1954; *ее же*. Музей антропологии и этнографии за 250 лет.—Сб. МАЭ, т. 22. М.—Л.: Наука, 1964; *ее же*. Этнографическая наука и музеи (по материалам этнографических музеев Академии наук). Л.: Наука, 1978.

² Перечень всех кавказских экспонатов см. Равдоникас Т. Д., Смирнова Л. И. Каталог коллекций по народам Кавказа.—Сб. МАЭ, т. 34. Л.: Наука, 1979.

В обзорной статье В. П. Курылева, Ф. Д. Люшкевич и М. В. Сазоновой «Этнографические собрания МАЭ по народам Средней Азии и Казахстана» подчеркивается роль Русского комитета по изучению Средней и Восточной Азии и членов Среднеазиатской этнологической экспедиции 1926—1929 гг. в формировании Среднеазиатского фонда МАЭ. Благодаря их усилиям была собрана основная масса экспонатов, в том числе многие уникальные предметы быта разных народов этого региона. Ныне фонд, в котором насчитывается более 8 тыс. предметов, является одним из крупнейших в музее.

В ряде статей сборника описаны сибирские коллекции МАЭ. В статье Ч. М. Таксами и Л. В. Хомич «Из истории изучения этнографии народов Сибири» подчеркивается важное значение в развитии сибиреведения деятельности таких крупных ученых, как Л. Я. Штернберг и В. Г. Богораз, научные традиции которых до сих пор сохраняются в советской этнографии. Л. В. Хомич в статье «Коллекции МАЭ по этнографии ненцев» наряду с другими коллекциями подробно описывает недавно поступившую в музей от А. Х. Сэротэтто уникальную коллекцию шаманских атрибутов. В статье Г. Н. Грачевой кратко характеризуются таймырские (долганские и нганасанские) коллекции музея, в статье Е. А. Алексеевко — кетские собрания. Надо сказать, что авторы двух последних статей — активные собиратели и именно благодаря их деятельности музей ныне обладает рядом уникальных предметов по указанным народам. В статье В. П. Дьяконовой и Н. И. Ключевой впервые подробно описаны этнографические коллекции по алтайцам и хакасам (свыше 1500 предметов), собранные специально для МАЭ сотрудниками государственной конторы по новым видам экспорта (Новоэкспорт) в 1930-е годы Л. Р. Павлинская посвятила статью бытовым у кудинских и верхоленских бурят изделиям, оформленным художественным металлом. Эти вещи в начале нашего века привезла Б. Э. Петри. В статье Ч. М. Таксами описаны имеющиеся в собрании МАЭ изделия из рыбьей кожи у народов Приамурья и Сахалина. Рыболовство издавна являлось основной хозяйственной деятельностью населения этих районов. Здесь, как справедливо считает автор, выработались своеобразные традиции и приемы по обработке рыбьей кожи и изделий из нее. МАЭ обладает значительной коллекцией подобных предметов.

Ряд материалов сборника посвящен азиатским фондам МАЭ. Предваряет раздел обзорная статья А. М. Решетова «История формирования коллекций и изучения народов Зарубежной Азии в МАЭ». Из нее узнаем, что благодаря деятельности акад. В. В. Радлова на посту директора МАЭ (1894—1918 гг.) и собирательской деятельности многих видных ученых, частных лиц и государственных учреждений коллекционный фонд заметно пополнился. Сборы этнографических коллекций продолжались и в советское время. Ныне коллекция отдела Зарубежной Азии наиболее крупная в МАЭ и представляет интересное собрание предметов быта народов Восточной, Юго-Восточной, Южной и Передней Азии. В статье Л. Л. Викторовой дается общее описание монгольских коллекций музея, в которых имеется ряд уникальных экспонатов. Статья Р. А. Ксенофонтовой и А. М. Решетова посвящена китайским коллекциям Петербургской кунсткамеры в собраниях МАЭ. Авторы, привлекая ряд рукописных и печатных каталогов, сумели среди обширных (насчитывающих несколько десятков тысяч экспонатов) китайских коллекций выявить более 200 экспонатов, находившихся в кунсткамере второй половины XVIII в. Подобная работа проведена впервые. В статье Н. Г. Краснодембской «Рисунки сингалского культа „бали“» описаны рисунки с изображением фигур мифологических персонажей, употреблявшихся в сингалских астрологических обрядах. Рисунки привезены А. М. и Л. А. Мервартами из экспедиции 1914—1918 гг. в Индию и на о. Цейлон³. В работе Р. А. Ксенофонтовой «Японский фарфор XVII—XVIII вв. в собрании МАЭ» на основе тщательного анализа коллекций японских керамических изделий⁴ выявлено 11 экспонатов из коллекций П. Л. Шиллинга, В. А. Жуковской и Государственного музея искусств народов Востока, принадлежащих мастерской Арита-Хидзэн (на о. Кюсю) и относящихся к XVII—XVIII вв.

Две статьи Н. А. Бутинова посвящены коллекции Австралии и Океании. В первой дается история создания отдела в связи с общей историей МАЭ. Автор выделяет в истории музея пять периодов и прослеживает, как пополнялись австралийско-океанийские фонды в каждый период. При этом подчеркивается важная роль русских мореплавателей начала XIX в., а также роль Н. Н. Миклухо-Маклая в формировании этого фонда. Во второй статье Н. А. Бутинова подробно описаны коллекции бытовых предметов полинезийцев архипелага Тувалу, собранные советскими этнографами во время экспедиции 1971 г. в Океанию на атолл Фунафути, являющемся частью вышеупомянутого архипелага. Эта коллекция первая в МАЭ из указанной части Океании.

Четыре статьи посвящены описанию американских коллекций музея. В статье Р. В. Кинжалова дана краткая история американского отдела МАЭ. На протяжении всего XIX в. в музей поступали многочисленные коллекции от участников кругосветных путешествий и от служащих в Новом Свете членов Российско-Американской компании, в результате чего музей стал обладателем уникальных коллекций по быту коренного населения Северной Америки. В начале XX в. в музей поступили коллекции и по коренному населению Южной Америки, собранные чешским путешественником

³ Подробно о цейлонской коллекции Мервартов см. *Краснодембская Н. Г. Цейлонская коллекция МАЭ (экспедиция Академии наук 1914—1918 гг.)* — Сб. МАЭ, т. 29. Л.: Наука, 1973.

⁴ Описание этого собрания см. *Ксенофонтова Р. А. Японское традиционное гончарство XIX — первой половины XX в. (Историко-этнографическое исследование)*. М.: Наука, 1980.

А. Фричем⁵ и участниками русской экспедиции 1914—1915 гг. в Бразилию Г. Г. Манизером и Ф. А. Фиельструпом. Р. Г. Ляпунова в статье рассказывает о коллекции из 10 эскимосских предметов с о. Кадьяк, привезенных участниками Северо-Восточной географической экспедиции И. И. Биллингса и Г. А. Сарычева (1785—1794 гг.). Г. И. Дзенискевич описала небольшую, но ценную в этнографическом отношении тлинкитскую коллекцию, состоящую из четырех роговых ложек и комплекта одежды из ровдуги, собранную капитаном Российско-Американской компании А. Ф. Кашеваровым в 30-е годы XIX в. Работа Ю. Е. Березкина «Сосуд из перуанской коллекции МАЭ» посвящена очень любопытному сосуду с изображением головы мифологического персонажа. Вещь относится к доинкской культуре чиму XV в. н. э. В музей экспонат поступил в 1966 г. в составе собрания кубинского археолога Э. Табио, переданного в дар от Национальной Академии наук Кубы. Детальный анализ привел автора к выводу, что изображенное на сосуде божество близко к Урнай Уачах.

Истории отдела Африки посвящена статья Г. Н. Гоцко, которая подчеркнула роль В. В. Юнкера, Э. Голуба, Н. С. Леонтьева и других известных путешественников и ученых, в формировании африканского фонда МАЭ. Значительное место в работе занимает история отдела в советское время. З. Л. Пугач рассказала в статье о хранящихся в МАЭ африканских изделиях из меди — в основном украшениях и предметах ритуально-магического характера. Автор подробно описал технологию медного производства в Африке.

Антропологический фонд МАЭ описан в более ранних публикациях⁶. В данном сборнике помещена лишь статья И. И. Гохмана о значении краниологических коллекций МАЭ для изучения расо- и этногенеза народов СССР. Автор привлек материалы из сборов на территории нашей страны.

В двух статьях описывается часть хранящихся в МАЭ археологических материалов⁷. В статье С. А. Арутюнова, Д. А. Сергеева и Э. Е. Фрадкина приводятся данные о некоторых памятниках древнеэскимосского искусства, найденных на Чукотке в результате раскопок Уэленского и Эквенского могильников⁸. В статье анализируется художественная традиция носителей древнеберингоморской культуры (орнамент, скульптура, полиэйконические композиции). В коллекциях МАЭ представлен и такой археологический материал, как кремневые изображения эпохи неолита и энеолита, найденные на территории европейской части СССР. Им посвящена статья Т. А. Поповой, в которой описаны три кремневых фигурки из сборов В. В. Федорова (1931—1932 гг.) в Калининской области. Автор приходит к выводу о культовом характере этих изображений.

Заключает сборник статья Т. К. Шафрановской «Первый хранитель МАЭ Ф. К. Руссов». Будучи на протяжении 40 лет (1865—1906) единственным хранителем музея, Ф. К. Руссов внес огромный вклад в организацию и упорядочение его коллекций. Особое место в статье занимает очерк истории этнографических коллекций Академии наук, написанный Ф. К. Руссовым и опубликованный в первом выпуске «Сборника МАЭ» в 1900 г.

Как мы видим, в статьях рецензируемого сборника, хотя и в довольно сжатой форме, раскрывается история практически всех отделов МАЭ. Такой материал появляется в печати впервые, что увеличивает ценность публикации. Часть статей посвящена характеристике наиболее интенсивных и уникальных коллекций МАЭ.

Конечно, рецензируемая работа, в которой объединены статьи разные по содержанию, не свободна от некоторых недостатков. Как уже говорилось выше, структура сборника не всегда выдержана. Так, в книге отсутствует обзорная статья о какой-либо ценной среднеазиатской коллекции (хотя такие в МАЭ имеются, например, из сборов Среднеазиатской этнологической экспедиции). Следовало бы дать в конце сборника указатели имен и этнонимов.

Несомненно, что выход в свет очередного, юбилейного «Сборника МАЭ» — важный вклад в советскую этнографическую науку, в разработку основных проблем истории русской и советской этнографии.

В. Н. Кисляков

⁵ См. *Зиберт Э. В.* Коллекции чешского исследователя А. В. Фрича в собраниях МАЭ.— Сб. МАЭ, т. 20. М.—Л.: Наука, 1961.

⁶ См. *Гинзбург В. В.* Краниологическое собрание Музея антропологии и этнографии.— Сб. МАЭ, т. 12. М.—Л.: Наука, 1949; *его же.* Анатомическая коллекция Ф. Рюйша в собраниях Петровской кунсткамеры.— Сб. МАЭ, т. 14. М.—Л.: Наука, 1953; *Фириштейн Б. В.* Краниологические коллекции Музея антропологии и этнографии (посупления 1947—1962 гг.). Сб. МАЭ, т. 22. М.—Л.: Наука, 1964.

⁷ Общее описание археологических фондов МАЭ было опубликовано ранее. См. *Нечаева Л. Г., Попова Т. А., Федоров В. В., Фрадкин Э. Е.* Археологическое собрание Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого Академии наук СССР.— Сб. МАЭ, т. 22. М.—Л.: Наука, 1964.

⁸ Подробно об этих раскопках см.: *Арутюнов С. А., Сергеев Д. А.* Древние культуры азиатских эскимосов (Уэленский могильник). М.: Наука, 1969; *их же.* Проблемы этнической истории Берингоморья. Эквенский могильник. М.: Наука, 1975.